

Мария АРБАТОВА

ПРОБНОЕ ИНТЕРВЬЮ НА ТЕМУ СВОБОДЫ

(СЦЕНЫ ИЗ ПЬЕСЫ)

МАРГАРИТА. Ни чего.
ЦЕЛИТЕЛЬНИЦА. Зачем вы пришли?
МАРГАРИТА. Мне не хочется просыпаться по утрам и страшно засыпать ночью.
ЦЕЛИТЕЛЬНИЦА. Вы замужем?
МАРГАРИТА. Нет.
ЦЕЛИТЕЛЬНИЦА. Живете половой жизнью?
МАРГАРИТА. Половой да, а жизнью — нет.
ЦЕЛИТЕЛЬНИЦА. Так что вас мучит?
МАРГАРИТА. Отсутствие одного человека.
ЦЕЛИТЕЛЬНИЦА. Понятно. Ложитесь.
МАРГАРИТА. Очки снимать?
ЦЕЛИТЕЛЬНИЦА. Не надо. Я не окулист. Маргарита ложится на диван, Целительница кладет на нее руку.
ЦЕЛИТЕЛЬНИЦА. Вы чувствуете тепло? Тепло космической энергии льется в ваше тело! Оно насыщается вас свободой и силой! Вы расслабитесь, вам хочется спать, вы засыпаете, вы видите сон, вы рассказываете его мне.
МАРГАРИТА. Я еду в Шереметьево-два. У меня в сумке билет в Нью-Йорк. Я бегу на метро. Это метро какое-то странное, оно похоже на станцию берлинской электрички. Передо мной уходит последний поезд. Я не успеваю к самолету и даже не могу вернуться к детям. Я сажусь на перрон возле прилавка с книгами. Никого нет, а передо мной несколько роскошных книг. В общем, они мне не нужны, но я краду их и запикиваю в сумку. Но сумка не застегивается. И хотя никого нет, я пытаюсь спрятаться и захожу в метровский медпункт. А там на операционном столе сидит молодой хирург в зеленом ха-

лате, я подхожу, и он обнимает меня. А я спрашиваю: «Разве можно на операционном столе?» А он говорит: «У нас с тобой здесь вчера все уже было. Разве ты не помнишь? Вот ты оставила...» И подает мне клубок голубой шерсти, которой мне не хватает на платье. Знаете, я вяжу себе на день рождения платье невероятного фасона. Мне так хочется, а шерсти не хватает, придется добавлять черную. И я подхожу к зеркалу, и вижу, что вместо волос у меня на голове огромное облако голубой шерсти... (вскакивает) Где я?
ЦЕЛИТЕЛЬНИЦА. Успокойтесь. Расслабьтесь. Все в порядке.
МАРГАРИТА. Мне стало легче.
ЦЕЛИТЕЛЬНИЦА. Вот видите. Ваше поколение вообще живет неправильно. Вы все словно специально стремитесь от гармонии к дисгармонии. А надо всех любить, всех беречь. Вот моя дочь, например, регулярно закатывает мне сцены, что вот я мало любила ее в детстве, что я унижала и комплексовала ее. Что я запрещала ей делать то, что нравилось ей и заставляла делать то, что нравилось мне. Что я разрушила ее нервную систему! А я ее воспитывала как все. Я ничего такого не делала, что все не делала. Я никогда не считала, что она лучше других.
МАРГАРИТА. А зачем рожать ребенка, если вы не готовы считать, что он лучше других?
ЦЕЛИТЕЛЬНИЦА. (снимает очки). Маргарита, это ты?
МАРГАРИТА. (снимает очки). Мама, это ты?
ЦЕЛИТЕЛЬНИЦА. Что ты здесь делаешь? Пришла поиздеваться над матерью? Ты же не веришь в

мое лечение?
МАРГАРИТА. Не верю. Я ни во что, кроме себя, не верю. Я не знала, что я к тебе попаду. Я не знала, где ты принимаешь. Я думала, что мне за деньги вернут то, что у меня отняли в детстве.
ЦЕЛИТЕЛЬНИЦА. Зачем ты клеветалась на мать?
МАРГАРИТА. Какой смешной сон! А шерсти все равно не хватает.
ЦЕЛИТЕЛЬНИЦА. А я сразу сказала, что не хватит! Не умеешь вязать, не берись! Что ты там за фалды устроила? Распусти, я свяжу лучше.
МАРГАРИТА. Это первое платье в жизни, которое я вяжу так, как мне хочется. И я подарю его себе на день рождения. И не надо учить меня, как вязать. Тебе семьдесят лет, и ты еще ни одного платья сама не связала.
ЦЕЛИТЕЛЬНИЦА. Ну и что? Зато я жизнь прожила, я знаю, как правильно!
МАРГАРИТА. А я не желаю жить такую жизнь, как у тебя! Не желаю! (вскакивает, идет к дверям).
ЦЕЛИТЕЛЬНИЦА. Подожди! Я тебя покормлю. Ты бледная, ты страшная, ты неправильно питаешься, неправильно живешь!
МАРГАРИТА. Я самая красивая, свободная и правильная! И не смей мне больше говорить, что я бледная и страшная! Не смей!
ЦЕЛИТЕЛЬНИЦА. Денег возьми. У меня много.
МАРГАРИТА. Все равно не откуплюсь (выходит).
ЦЕЛИТЕЛЬНИЦА. Вы слышали? Нет, вы слышали? Я положила на нее всю свою молодость, все свое здоровье! Накажет же бог такую дочь! Господи, как я не хотела девочку, словно знала, что вырастет такая дрянь! Как я хотела сына!

Скамейка в парке. Темно. Маргарита и Дубровский стоят, обнявшись.
МАРГАРИТА. Холодно.
ДУБРОВСКИЙ. Моя бабушка говорила: наступил март, надевай семь порток.
МАРГАРИТА. Нас тут не пришьют?
ДУБРОВСКИЙ. Не должны.
МАРГАРИТА. Жалко.
ДУБРОВСКИЙ. Почему?
МАРГАРИТА. Все-таки ощущения.
ДУБРОВСКИЙ. Ощущений не будет (достаёт из кармана пистолет, подбрасывает его, ловит, сует обратно в карман).
МАРГАРИТА. Стрелять-то умеешь?
ДУБРОВСКИЙ. Ну надо заставить, так научусь.
МАРГАРИТА. Дай попробовать.
ДУБРОВСКИЙ. Не дам. Ты нервная (отходит от нее). Слушай, а если я тебя изнасилую? Ты ж меня второй раз в жизни видишь?
МАРГАРИТА. Делов-то! Насилуй, только, пожалуйста, так, чтоб я обо всем забыла. Ну, хоть на пять минут! Можешь даже башкой о скамейку двинуть, только не очень сильно. Ладно?
ДУБРОВСКИЙ. Мазохистка.
МАРГАРИТА. Ну, давай! Поехали! Готовность номер один! (снимает пальто, бросает на скамейку, начинает расстегивать кофту).
ДУБРОВСКИЙ. Простудилась.
МАРГАРИТА. Увы! (снимает кофту, бросает на скамейку).
ДУБРОВСКИЙ. Пойдем в машину.
МАРГАРИТА. Там места мало, а у меня сексуальная клаустрофобия.
ДУБРОВСКИЙ. Понял.
МАРГАРИТА. Чего ты понял?
ДУБРОВСКИЙ. Мы все учились понемногу.
МАРГАРИТА. Что? Елки! Опять филфак? (надевает кофту, затем пальто). Плюнуть некуда! Бизнесмен, ректор, сутенер! Обязательно нарваться на университет! А мне простого надо, чтоб вопросов не задавали!

ДУБРОВСКИЙ. Историко-архивный, правда, он теперь тоже считается университетом.
МАРГАРИТА. Не хочу образованного! Вези меня домой.
Дубровский подходит вплотную, они целуются. Маргарита осторожно вынимает у него из кармана плаща пистолет, прячет за спину.
МАРГАРИТА. Отойти чуть-чуть, я хочу тебя рассмотреть. У меня дальновзорность.
ДУБРОВСКИЙ. Успокойся, пистолет газовый.
МАРГАРИТА. (прижимает пистолет к лицу). Жалко. Такая глупенькая, такая холоденькая железячка. Нал (протягивает ему пистолет).
ДУБРОВСКИЙ. (кладёт пистолет в карман). Если хочешь, пойдем в машину.
МАРГАРИТА. Ты меня сюда зачем вез?
ДУБРОВСКИЙ. Я тебя не разглядел.
МАРГАРИТА. А здесь разглядел?
ДУБРОВСКИЙ. Здесь разглядел. Я думал, ты на меня запала, а ты со мной с тоски трахаться поехала. С тоски-то пить надо.
МАРГАРИТА. Также мне, капитализм с человеческим лицом!
ДУБРОВСКИЙ. Скажи, а почему тебя из этой страны еще не вывели?
МАРГАРИТА. Куда?
ДУБРОВСКИЙ. Ну туда... Поближе к цивилизации.
МАРГАРИТА. А я не просила.
ДУБРОВСКИЙ. А потому, что патриотка?
МАРГАРИТА. Думаешь, я там стану счастливей?
ДУБРОВСКИЙ. Тяжело же здесь басте.
МАРГАРИТА. Нормально. Знаешь, вот есть один тип, с ним тяжело, грустно, стыдно, иногда больно. А без него спокойно, приятно... но, бессмысленно. Как будто я жила во дворцах, конюшнях, в гостях, в тюрьме, и вдруг я дома. Понимаешь, ни с того, ни с сего, и дома. Я вообще не знала, что бывает дом. В меня

такой программы не заложили, я думала, вся жизнь, одна длинная гостиница. Так и здесь. Зачем мне Запад, если я живу на русском языке.
ДУБРОВСКИЙ. Ну, так если этот тип есть, что же ты тогда тут со мной делаешь?
МАРГАРИТА. Борюсь с тем, что его уже вывели.
ДУБРОВСКИЙ. Поезжай, отними. Ты же манипуляторша высшего класса.
МАРГАРИТА. Не могу.
ДУБРОВСКИЙ. Почему?
МАРГАРИТА. Эмиграция, это рак. Человек или выздоравливает, или метастазы его съедают. Того, что был, съедают. Какой-то другой остается, а этого съедают.
ДУБРОВСКИЙ. (целует ее). Вкусная. (Пауза). У меня тоже вывели. Был неконкурентоспособен... Сутулый аспирант, у которого рубль в кармане и диссер по возрождению. А тут покойил американский фермер: шестьдесят слов в словаре и куча долларов. Ну, девочка и сломалась.
МАРГАРИТА. Жалеешь?
ДУБРОВСКИЙ. Теперь нет! Дыря осталась. Сквозная (достаёт пистолет из кармана, стреляет). Вон, видишь, в афише дырка теперь? Ночью от темноты темная, а днем от света светлая. Так и у меня.
МАРГАРИТА. Менты не прибегут?
ДУБРОВСКИЙ. Они выстрелы слышат, они ноги в обратную сторону делают.
МАРГАРИТА. Ладно, поехали.
МАРГАРИТА. Тебя кто-нибудь ждет?
МАРГАРИТА. Дети.
ДУБРОВСКИЙ. У тебя дети?
МАРГАРИТА. Ага.
ДУБРОВСКИЙ. Тебе хорошо.
МАРГАРИТА. Ага.

Квартира Маргариты. Тимур в трусах и футболке оклеивает комнату листами рукописей. На столе растелена клеенка, стоит кастрюля с клеем. Тимур макает кисточку для бритья в кастрюлю, мажет лист, лепит его на стену, разглаживает, отходит, любуется на свою работу. Орет магнитофон.
ТИМУР (поет). Я думал, что я не смогу вернуться,

А я не смог не вернуться...
Та та та, та та та,
Та та та, та та та,
Входит Олег.
ОЛЕГ (мрачно). Где Маргарита?
ТИМУР. Скоро придет, надеюсь.
Пауза.
ОЛЕГ. А вы... вы что, здесь живете?
ТИМУР. Нет.
Пауза.
Лучший вид на этот город, если сесть в бомбардировщик!
ОЛЕГ. Что это вы делаете?
ТИМУР. Переклеиваю обои.
ОЛЕГ. Бумага вместо газет?
ТИМУР. Вместо обоев.
Олег подходит к уже оклеенной стене.
ОЛЕГ. Это же ее статьи.
ТИМУР. Она попросила, чтоб ко дню рождения я оклеил статьями всю комнату. В том числе и глобусы. Вместо подарка.
ОЛЕГ. Отличная идея.
ТИМУР (поет). Не плачь, Мама, я здесь, Не плачь, солнце взойдет, Не прятать от Бога глаза, Иначе, как он найдет нас...

ОЛЕГ. Чем это вы мажете? Это же моя кисточка для бритья.
ТИМУР. Другой не было.
ОЛЕГ. Вы слишком много клея мажете (принесит из коридора одежную щетку). Этой удобней (мажет лист, приклеивает, разглаживает). Видите?
ТИМУР. Визну.
ОЛЕГ. С ваших еще капает, а этот сразу взялся.
ТИМУР. Конечно, вы гораздо дольше выполняли ее капризы.
ОЛЕГ. При мне капризы были скромнее.
Звонит телефон.
ОЛЕГ. Возьмите трубку.
ТИМУР. У меня руки в клее.
Телефон звонит, они стоят. Вбегает Маргарита с улицы, бросается к телефону.
МАРГАРИТА. Оглохли оба, да? (снимает трубку). Алло. Привет, Галка. Представляешь, вхожу, а здесь бывший муж и бывший любовник перерезали друг друга глотки. Лечат на полу и истекают кровью. И ни один не может взять трубку! Что? Да, серьезно! Скорую вызвала, вот жду, когда заберут. Давай по делу, что там у тебя с христианской службой доверия? Ну! Ну! Класс! На кого похож? На папу Римского? Фу, какая гадость! Так, и куда пошла? В McDonald's? Туда же одни урки ходят и те, кто хочет им подражать. И что? Стихи читал? Час стихи читал? Ну, мать, ты влипла! Сегодня, что делать? Как что? Уложи его сегодня, а то передержишь, утром позвони, отчитайся. Если не понравится, будем обращаться в буддийскую службу доверия. Целую (кладет трубку). Что вы на меня так смотрите? Личная жизнь подруги всегда была мне важнее моей собственной (Подходит к стене, трогает). Здорово! А глобусы?
ОЛЕГ. Зачем портить глобусы?
МАРГАРИТА. Это что, твоя доля нищеты?
ТИМУР. Крутлый трудно оклеить. Надо выкрой-ку.
МАРГАРИТА. Выкройку? Выкройку Земли и Луны, это что-то из твоих песен, запиши. Заклей просто город Нью-Йорк. Крест накрест. Чтоб не было.
ОЛЕГ. На луне нет города Нью-Йорка.
Рисунок Юлии Зуевой.